

УДК 947.1(571.54)
ББК 63.3(2Р5)

Ч.Г. АНДРЕЕВ

**МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА
СИБИРСКИХ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ НАЧАЛА XX в.
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Анализируются историографические экскурсы, публикуемые на страницах российских изданий по истории сибирских кочевых народов с точки зрения изучения их материальной и духовной культуры.

Ключевые слова: история сибирских народов, кочевники, религия.

CH.G. ANDREEV

**MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE
OF SIBERIAN NOMADIC PEOPLE AT THE BEGINNING
OF XX CENTURY IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

The author analyzes the historiographic excursions that are being published on the pages of russian editions on history the siberian nomadic people with relation to the function to study their material and spiritual culture.

Keywords: history of siberian indigenous people, nomads, religion.

Россия всегда была страной многонациональной. Значительную часть нерусского населения страны составляют народы Сибири. Преимущественное внимание в исторических исследованиях советского периода уделялось социально-экономической истории аборигенных народов и политике правительства по отношению к ним. Вместе с тем для полного понимания прошлого необходимо изучение мировоззрения, культуры, быта, семьи коренного населения Сибири. Определяющими должны быть влияние русского народа, с которым все коренное население Сибири находилось в более или менее тесном хозяйственном и культурном контакте, и воздействие государственной и экономической системы России. Черты раннефеодальных институтов, возникавшие у аборигенных народов, трансформировались под сильнейшим воздействием отношений капиталистического строя России второй половины XIX — начала XX вв. Такой трансформации способствовали включение местного хозяйства в общую экономическую жизнь страны и влияние русской народной культуры, сказавшееся буквально на всех сторонах жизни аборигенов.

В конце XIX — начале XX вв. в отечественной исторической литературе накапливались многочисленные фактические данные, в той или

иной степени, относящиеся к рассматриваемой проблеме. По степени значимости для статьи наибольший интерес представляют работы по истории народов Сибири следующих дореволюционных исследователей: Н.М. Ядринцева, С.К. Патканова, А.П. Шапова, В.Л. Серошевского, Д.А. Клеменца и др.

Заметное место в трудах Н.М. Ядринцева занимал вопрос о «вымирании инородцев». Главными причинами этого он считал экономические: ухудшение быта, обеднение вследствие потери прежних угодий. Последующие исследования других ученых не подтвердили его мнения о вымирании сибирских аборигенов (бурят, якутов, хакасов), за исключением малых народностей, ведущих охотничье-промысловое хозяйство. Рядом с вопросом о существовании «инородцев», для Н.М. Ядринцева стояла проблема об их способности «воспринимать высшую культуру и цивилизацию». И он отвечал на нее так: «Инородческий элемент доказал свою способность к цивилизации, он дал несколько ученых и талантливых личностей», и, по мнению ученого, число таких людей будет расти. При этом Н.М. Ядринцев отмечал, что настоящее образование «инородца» состоит во внушении ему любви к своему народу, а не в стремлении вырвать его из прежней среды [33, с. 241].

Н.М. Ядринцев отметил положительные аспекты межнационального влияния в Сибири, это взаимовлияние русских и аборигенов коснулось обычаев, языка и др. Он отверг официальные представления о дикости и застое кочевников. Ученый отмечал, что среди сибирских «инородцев» шел процесс перехода к оседлому быту, который происходил под влиянием известных условий. Задача цивилизатора, по мнению Н.М. Ядринцева, заключалась в необходимости изучить эти условия и своевременно прийти на помощь [33, с. 263]. При этом он предупреждал, что всякое «принуждение здесь бесполезно» и может привести к кризису.

«Кочевой передвижной быт в своем крайнем развитии, — рассуждал Н.М. Ядринцев, — представил такую своеобразную и отлитую в определенную форму культуру, что кочевник не может представить себе иной образ жизни; он будет сопротивляться до времени всякому принуждению изменить образ жизни, точно также, как представитель оседлости, пройдя известный цикл развития и создав свои привычки, не понимает жизни кочевника и совершенно забывает, что эта стадия когда — то была пережита им и составляет связующее звено с последующим существованием» [33, с. 264]. Вместе с тем, Н.М. Ядринцев не отличал прогрессивные результаты присоединения сибирских народов к России от грубых методов политики царского правительства по отношению к ним.

Изучением «инородческого» населения Сибири занимался исследователь С.К. Патканов. Его работы были посвящены проблеме естественного прироста аборигенов. Автор, опираясь на материалы VIII ревизии (1835–1839 гг.) и Всероссийской переписи 1897 г., сделал сравнительный

анализ статистических данных по численности коренного населения Сибири, на основании чего пришел к выводу, что у кочевников-скотоводов наблюдался некоторый прирост. Этот вывод опровергал теорию о «вымирании аборигенов».

С.К. Патканов отмечал, что наиболее высокий прирост имеют те кочевники, которые перешли к занятию земледелием. Но, последние «быстро начинают утрачивать свои национальные черты и, подпадая под влияние своих русских соседей, постепенно усваивают их образ жизни, ассимилируются с ними» [17, с. 173]. Исследователь отмечал, что отрицательное влияние на прирост аборигенов оказывали эпидемические болезни, антигигиенические условия жизни, численный перевес мужского пола над женским и др.

По мнению С.К. Патканова, европейская культура оказала в целом неблагоприятное воздействие на жизненные условия коренного населения Сибири. Он считал, что все это могло окончиться «полным вымиранием и слиянием с русскими других племен». С другой же стороны, исследователь проводил сравнение с влиянием западных колонизаторов на аборигенов Америки и Австралии и, в связи с этим, делал следующий вывод: «... соприкосновение инородцев с русскими принесло им и приносит поныне огромный вред, то все же этот вред ввиду низкого культурного развития русских крестьян, особенно в прежнее время, а также ввиду свойственной русскому человеку простоты и уживчивости, во многих отношениях оказывается менее губительным, чем влияние более культурных и гордых своим самосознанием европейцев на первобытные племена других частей света» [17, с. 178].

Свой вклад в изучение народов Сибири внес известный ученый А.П. Щапов. Он писал о семейно-бытовом сближении русского и «инородческого» населения, их полезном взаимном влиянии в области хозяйства, быта, языка [31, с. 416, 435, 447, 464, 477, 480], о складывавшейся на этой основе дружбе. Большое внимание ученый уделил изучению бурятской общины, при этом, с одной стороны, он ее идеализировал, считая, что в ней преобладали принципы «социально-кооперативной взаимности, союзности и солидарности». С другой стороны, видел и разложение общины, в которой «все более и более обозначается разделение общины на богатых и бедных, на хозяев и работников» [32, с. 206, 235].

А.П. Щапов отмечал развитие среди бурят конкуренции, жадности к наживе и барышничеству, появление среди них «торговых земледельцев-капиталистов». Процесс расслоения бурятского улуса он объяснял ростом «эгоистически-приобретательских наклонностей», тогда как в действительности он определялся разложением натурального хозяйства, проникновением и развитием капиталистических отношений.

Труд В.Л. Серошевского «Якуты» представляет собой серьезный вклад в историографию народов Сибири. В данной этнографической

монографии рассмотрены происхождение якутов, их расселение, физические особенности, экономические основы их быта, их пища, одежда, постройки, ремесла и искусство, семья, брак, фольклор и верования. По широте охваченных проблем, по богатству собранных фактов и по яркости изложения этот труд представляет крупное достижение этнографической науки XIX в.

В.Л. Серошевский отметил изменения, происшедшие в хозяйстве якутов к концу XIX в., а именно: замена конного скота рогатым, сокращение кочевания, развитие сенокосения, первые шаги в хлебопашестве. С переменой основ быта изменилась и домашняя обстановка, пища, одежда, постройки, развились другие ремесла; «они (якуты — Ч. А.) многое забыли, что знали и узнали много нового» [22, с. 309].

Заметен вклад в изучении народов Сибири известного общественно-го деятеля Д.А. Клеменца. В своих работах он отмечал, что у сибирских аборигенов вплоть до начала XX в. сохранились значительные пережитки родовых отношений. Вместе с тем он преувеличивал значение родовой взаимопомощи. Д.А. Клеменц выступал активным защитником кочевого быта, резко критиковал тех, кто считал скотоводов-кочевников «дикарями». И в обоснование своей позиции приводил весомые аргументы, подчеркивая, что кочевой быт возникает не произвольно, а создается под воздействием географических и экономических условий. Исследователь пришел к выводу о том, что кочевое скотоводческое хозяйство нуждается не в уничтожении, а в усовершенствовании. Что касается оседлых аборигенов, то, по мнению Д.А. Клеменца, «...переходя к земледелию и оседлому образу жизни, они не всегда утрачивают свои национальные особенности. Выстроив русскую избу даже с горницей, он в распределении вещей, в образе жизни по-старому живет, как в юрте» [8, с. 74]. Он призывал правительство оказать культурную помощь «инородцам», ибо рациональная постановка скотоводства выгодна и государству.

Различные стороны истории коренных народов Сибири второй половины XIX — начала XX вв. рассмотрели в своих работах ряд других дореволюционных авторов. П.М. Головачев подчеркивал положительное влияние русских на хозяйство, материальный быт аборигенов. С другой стороны, П.М. Головачев отмечал: «...влияние русского населения на инородческий мир Сибири... весьма заметно в смысле отрицательном, разлагающем и вредном для инородцев» [4, с. 59]. Здесь он имел в виду пьянство, болезни, азартные игры и т.п. П.М. Головачев также указывал на формальный характер крещения сибирских народов, ибо по-прежнему последние оставались двоеверами. В работах этого ученого приводятся многочисленные факты влияния «инородческого» мира на русский, главным образом, в «типе, быте, языке» [4, с. 64]. И.И. Серебренников в своих работах доказывал сокращение численности аборигенов Восточной Сибири, причину которой он усматривал в отрицательном воздействии

политики правительства [20, с. 21, 22, 27]. В его работах преувеличивались негативные стороны процесса присоединения Сибири к России. Н.Н. Козьмин по иному подошел к вопросу о «вымирании инородцев». На основании обследования хакасских хозяйств, он указал, что в некоторых районах количество аборигенов значительно увеличилось [9, с. 100].

Что касается официальных изданий, то хотелось бы отметить 3-томную «Азиатскую Россию», посвященную 300-летию дома Романовых. В труде отчетливо прослеживается, что его авторы рассматривали Сибирь как колонию центра страны. Автор этнографического очерка о положении Азиатской России И.П. Поддубный писал: «Здесь совершалась, часто безмолвная для истории, драма борьбы за существование; как везде погибал слабый и брал перевес сильный» [1, с. 93]. В этом издании демагогически утверждалось, что политика правительства улучшила экономическое положение «инородцев» и обусловила рост их общественного благосостояния. К этому труду примыкает и исследование Н.А. Фирсова. В освещении этого автора влияние русского элемента на аборигенное население было сложным, но общий итог состоял в следующем: в обществе «инородцев» наряду с интересами «племени и веры» стало заметным стремлением «к решительному преобладанию» личных интересов; вместо старинных делений на «роды, племена» на сцену выступило деление на «лучших и младших людей», основывавшееся «на степени силы и богатства» [26, с. 259].

Некоторых аспектов рассматриваемой проблемы также коснулись следующие исследователи: М.А. Кроль, А.И. Термен, Л.Я. Штернберг, Ц.Ж. Жамцарано, В.Н. Соколов (у бурят); В.Ф. Трощанский, И.И. Майнов, Ф.Я. Кон, М.Д. Ольминский (у якутов); Н.Ф. Катанов, А.А. Ярилов, А.А. Кузнецова, П.Е. Кулаков (у хакасов).

М.А. Кроль писал о разнице в жизни богатых и бедных, в частности, отмечая, что у аборигенов: «наступила» новая эра «накопления капитала», появились «просвещенные буряты», живущие в хороших домах, «в прекрасной обстановке, выписывающие книги», «нарождается класс крупных землевладельцев-бурят, пользующихся в самых широких размерах наемным трудом... для личного обогащения», «процесс обездоления беднейших бурят и соединение многих земельных участков в руках отдельных богачей совершается безостановочно» [13, с. 10, с. 12]. А.И. Термен указал, что случаи вымирания характерны только для наиболее отсталых групп бурят, в то же время, «где условия жизни становятся более гигиеническими, где питание лучше, где обстановка позволяет пользоваться благами культуры... — там не только нет вымирания, но, наоборот, сказывается крепкая и способная порода, там встречаются многочисленные семьи, здоровые и способные дети» [24, с. 72].

Л.Я. Штернберг в числе прочего изучавший общественное движение бурят, замечал, что в рассматриваемый период: «...психика инородца

радикально изменилась. Он осознал свое право, он уверовал в себя, он проникся уважением к себе, у него появились идеалы, он обрел верную, преданную интеллигенцию, он ступил, наконец, на путь самостоятельности» [30, с. 608]. Бурятский исследователь Ц.Ж. Жамцарано отметил, что глубокие изменения в социально-экономической жизни бурят нашли свое отражение в области их религиозных исканий. Поэтому он писал: «... буряты-шаманисты уже переросли свою религию, народное сознание перестало удовлетворяться первобытным шаманством» [6, с. 19].

В.Н. Соколов в своей работе указал, что отсталая родовая община у бурят являлась задерживающим фактором всякой хозяйственной перестройки скотоводческого хозяйства. На примере агинских бурят Забайкальской области он отметил, что переход природных скотоводов к совершенно новым для них формам хозяйствования отражался на них весьма болезненно [23, с. 43].

В.Ф. Трощанский предполагал, что любое соприкосновение русских с якутами вело к вымиранию последних. Исходя из этого, он делал вывод о предпочтительности эксплуатации якутского населения своими тойонами (родоначальниками), которые якобы менее жестоки по отношению к своим сородичам. Пришлые эксплуататоры, по мнению В.Ф. Трощанского, «могут эксплуатировать только в наиболее пагубной форме, то есть в форме торговли и спаивания» [25, с. 133]. И.И. Майнов отметил разницу в жизни населения различных якутских округов. По этому поводу он писал: «... в Олекминском округе якуты подвергаются более интенсивному воздействию чуждой культуры, чем в других округах Якутской области, и здесь якутская старина быстрее идет на убыль..., благодаря приискам сюда проникло влияние капитализма» [16, с. 23].

Ф.Я. Кон подчеркивал резкое различие в жизни тойонов и бедных якутов: жилище, питания и т.д. [12, с. 3–4]. М.Д. Ольминский акцентировал внимание на плохом состоянии школьного дела и медицинского обслуживания среди якутского населения [18, с. 143]. Н.Ф. Катанов писал о русском влиянии на занятия и материальный быт хакасов, в то же время, отметив, что оно гораздо меньше сказалось на обычаях и обрядах [7, с. 4]. А.А. Ярилов затронул вопрос эволюции хакасского скотоводческого хозяйства, переход бедной части населения к занятию различными подсобными заработками [34, с. 17]. Работа А.А. Кузнецовой и П.Е. Кулакова «Минусинские и ачинские инородцы», основанная на архивных материалах, посвящена изучению хозяйства и материальной культуры хакасов. Работа содержит обширные данные о скотоводческом хозяйстве, жилище, одежде, пище хакасов. Авторы, в частности, отмечали, что «одним из признаков эволюции, происходящей в последнее время у инородцев, является переход от натурального хозяйства к денежному» [14, с. 45].

Таким образом, в дореволюционной литературе в разном ракурсе были затронуты вопросы, объективно входящие в рассматриваемую

проблему: русское влияние на хозяйство, демографическое развитие коренного населения; межнациональные отношения. По этим вопросам были сделаны выводы, которые основаны на привлечении узкого круга источников. Во многих работах наблюдается субъективный подход. В трудах ученых и публицистов либерального и демократического направлений заметно сочувствие положению аборигенов, а также содержится призыв к оказанию им «культурной» помощи. Дореволюционные издания ценны, прежде всего, наличием обширного фактологического и статистического материала, который можно использовать при соответствующем критическом подходе.

Послеоктябрьский этап историографии темы на первом периоде (1920-е — начало 1930-х гг.) характеризуется тем, что исследование жизненного уклада коренного населения Восточной Сибири несколько продвинулось вперед, в основном, за счет усилий этнографов. Вышли ряд работ, посвященных исследованию семьи, брака, народных знаний, обычаев бурят, якутов, хакасов (А.А. Хараев, А.Е. Кулаковский, Н.П. Дыренкова и др.) [27, с. 15, с. 5]. Труды этнографов способствовали накоплению фактического материала по традиционным формам жизненного уклада.

В этот период среди сибирских аборигенов проводились всевозможные статистико-экономические и медико-санитарные исследования в связи с поставленными задачами по социалистической реконструкции их хозяйства, культуры и быта. Материалы этих исследований нашли обобщения в ряде работ (М.К. Расцветаев, Н.Н. Козьмин, А.Р. Шнейдер, и др.) [19, 10, 29]. Говоря об эволюции скотоводческого хозяйства коренных народов от низших форм к высшим, отмечается «жизнеспособность» [29, с. 20] последних. С другой стороны, авторы указывают, что тяжелые жилищные и санитарно-гигиенические условия задерживали рост аборигенного населения [19, с. 10].

В 1920-е — первой половине 1930-х гг. выходят работы по истории бурят хакасов, якутов (С.В. Бахрушин, М.Н. Богданов, Н.Н. Козьмин, В.К. Хотяновский и др.) [2; 3; 11; 28], в которых дана обобщенная характеристика развития сибирских народов в дореволюционную эпоху. Научное исследование на этом отрезке времени проходило в противоречивых общих условиях. Поступательное развитие научной мысли, связанное с расширением и обогащением познавательных средств в методологии, деятельностью новых центральных и местных научных центров ограничивалось догматическим толкованием марксизма как единственного научного метода.

Список использованной литературы и источников

1. Азиатская Россия: в т. — СПб. : Изд-во Пересел. упр., 1914. — Т. 1 : Люди и порядки за Уралом. — 576 с.

2. Бахрушин С. В. Исторические судьбы Якутии / С. В. Бахрушин // Якутия. — Л., 1927. — С. 275–320.

3. Богданов М. Н. Очерки по истории бурят-монгольского народа / М. Н. Богданов. — Верхнеудинск : Бур.-Монг. кн. изд-во, 1926. — 230 с.
4. Головачев П. М. Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири / П. М. Головачев // Землеведение. — 1902. — Кн. 2–3. — М., 1902. — С. 53–68.
5. Дыренкова Н. П. Умай в культуре турецких племен / Н. П. Дыренкова // Культура и письменность Востока. — Баку, 1928. — Кн. 3. — С. 134–139.
6. Жамцарано Ц. Народническое движение среди бурят и его критики / Ц. Жамцарано // Сибирские вопросы. — 1907. — № 21. — С. 16–21.
7. Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной в Минусинский округ Енисейской губернии / Н. Ф. Катанов // Уч. зап. Казанского ун-та. — 1897. — Кн. 5–6. — С. 1–53.
8. Клеменц Д. Население Сибири / Д. Клеменц // Сибирь, ее современное состояние и нужды. — СПб., 1908. — С. 78–79.
9. Козьмин Н.Н. К вопросу о вымирании инородцев // Сибирские записки. — 1916. — № 2.
10. Козьмин Н.Н. Очерки скотоводческого хозяйства в Бур. республике: в 2 вып. — Верхнеудинск: Б.И., 1924–1926. — Вып. 1. — 18 с.; Вып. 2. — 30 с.
11. Козьмин Н. Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк / Н. Н. Козьмин. — Иркутск: Изд-во Иркут. секц. науч. работ, 1925. — 185 с.
12. Кон Ф. Я. Физиологические и биологические данные о якутах (антропологический очерк) / Ф. Я. Кон. — Минусинск, 1899.
13. Кроль М. А. О забайкальских бурятах / М. А. Кроль // Зап. Читин. отд. Приамур. Отдела РГО. — 1896. — Вып. 1. — С. 10–18.
14. Кузнецова А. А. Минусинские и Ачинские инородцы / А. А. Кузнецова, П. Е. Кулаков. — Красноярск : Тип. Енис. губ. упр., 1898. — 298 с.
15. Кулаковский А. Е. Материалы для изучения верований якутов / А. Е. Кулаковский // Сборник материалов по изучению Якутии. — Вып. 1. — Якутск, 1923. — С. 92–105;
16. Майнов И. И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области / И. И. Майнов. — СПб. : тип. В. Киршбаума, 1912. — 357 с.
17. Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири / С. К. Патканов. — СПб.: Тип. импер. Акад. Наук., 1911. — 207 с.
18. Правда. — 1904. — № 7.
19. Расцветаев М. К. Очерки по экономике и общественному быту у якутов / М. К. Расцветаев. — Л., 1932.
20. Серебренников И. И. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия / И. И. Серебренников. — Иркутск : б.и., 1913. — 47 с.
21. Серебренников И. И. Буряты. Их хозяйственный быт и землепользование / И. И. Серебренников. — Верхнеудинск: Бурят-Монг. изд-во, 1925. — 226 с.
22. Серошевский В. Л. Якуты : опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. — СПб. : Тип. Главн. упр. Уделов., 1896. — 720 с.
23. Соколов В. Н. Забайкальское хозяйство и рынок (Проект распределения Забайкальской области на экономические районы) / В. Н. Соколов. — Чита : Изд. стат. отд. Заб. перес. р-на, 1918. — 126 с.
24. Термен А. И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области / А. И. Термен. — СПб. : Тип. Мин. внутр. дел, 1912. — 144 с.
25. Трощанский В. Ф. Наброски о якутах Якутского округа / В. Ф. Трощанский. — Казань : Тип. Импер. ун-та, 1911. — 144 с.

26. Фирсов Н. А. Положение инородцев Северо-Востока России в Московском государстве / Н. А. Фирсов. — Казань, 1866.
27. Хараев А. А. Семья и брак у укырских бурят / А. А. Хараев // Бурятоведческий сборник. — Иркутск, 1929. — Вып. 5. — С. 38–44.
28. Хотяновский В. К. Из прошлого Хакасии / В. К. Хотяновский. — Новосибирск, 1934.
29. Шнейдер А. Р. Эволюция скотоводства и земледелия у минусинских инородцев за последние 30 лет (1890–1920) / А. Р. Шнейдер // Енисейский кооператор. — Красноярск, 1922. — № 16–17. — С. 17–25.
30. Штернберг Л. Я. Буряты / Л. Я. Штернберг // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. — СПб., 1910. — С. 601–624.
31. Щапов А. П. Сочинения / А. П. Щапов. — СПб. : Изд. М. В. Пирожкова, 1906. — Т. II. — 620 с.
32. Щапов А. П. Собрание сочинений. Дополнительный том / А. П. Щапов. — Иркутск, 1937.
33. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение / Н. М. Ядринцев. — СПб. : Изд. И. М. Сибирякова, 1891. — 308 с.
34. Ярилов А. А. Кызыльцы и их хозяйство / А. А. Ярилов. — Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1899. — 326 с.

Информация об авторе

Андреев Чингис Георгиевич — доктор исторических наук, профессор, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Бурятский филиал Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, 670042, г. Улан-Удэ, ул. Жердева, 2, e-mail: chin-andr@mail.ru.

Author

Andreyev Chingis Georgievich — Doctor of History, Professor, Buryat Branch of Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics, 2, Zherdeva st., Ulan-Ude, 670042, e-mail: chin-andr@mail.ru.

УДК 332.012.2(571.5):061.6:91
ББК 65.049(253.5)

Л. А. БЕЗРУКОВ
Н. А. КУПЕРШТОХ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СИБИРИ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ В ИНСТИТУТЕ ГЕОГРАФИИ им. В.Б. СОЧАВЫ СО РАН*

Анализируется становление и развитие социально-экономической географии в Институте географии им. В.Б. Сочавы СО РАН и вклад ученых в изучение социально-экономических проблем Сибири.

---

* Статья подготовлена в рамках интеграционного проекта СО РАН № 67 «Ресурсно-ориентированная экономика Азиатской России: оценка исторического опыта модернизаций и перспективы на XXI век».